

ГЛАВА 1

Каждый раз к концу рабочего дня, если уж так получалось, что срочных выездов не было, полковник полиции Лев Иванович Гуров ощущал самую настоящую человеческую усталость. Тяжелую, с эхом внутри головы и, пожалуй, даже с некоторым грузом чувства вины перед теми, кто провел день не как он, а с пользой. Таких дней у Гурова за все время работы в полиции накопилось, дай бог, с месяц-полтора. Не больше. Но привыкнуть к тому, что руки, ноги и мозг вынуждены работать на минимуме, он так и не смог. Ничто и никто не смогли бы убедить Гурова в том, что и в его родном кабинете тоже существует жизнь, только в виде печатных листов, толстых картонных папок с лохматыми уголками и тонны компьютерных файлов, а протирание штанов в течение суток или двух выглядит вовсе

не бессмысленно, потому что активность всегда сменяет покой и наоборот. Таков жизненный цикл, такова природа бытия, и с этим ничего не поделаешь. Иными словами, все эти передышки Гуров редко переживал с удовольствием, стараясь побыстрее закончить с документами и вырваться на свободу. В самом начале своей работы в уголовном розыске он даже пытался бунтовать, но, дважды наткнувшись на тяжелый взгляд своего начальника Петра Николаевича Орлова, перестал и думать о том, чтобы просить отправить его по одному из вызовов, в огромном количестве поступавших в дежурную часть ГУВД, — уж больно неважно чувствовала себя после таких просьб Льва Ивановича душа.

— И не проси, — предупреждал Орлов, зайдя на порог своего кабинета бледную тень с лицом Гурова. — Ты с текучкой закончил? Нет? А Крячко? Нет? Так чего вы от меня хотите? Набегаешься еще, а пока что сиди и оформляй документацию. Это тоже, знаешь, важно.

По молодости лет Гуров легко мог не спать ночами, жить на паре бутербродов

в день и работать на износ, абсолютно без каких-либо для себя последствий. Но со временем ему пришлось притормозить и поумнеть, экономя силы и не разбрасываясь по мелочам. Правда, возню с бумагами он так и не полюбил.

Вот и сегодня, во вторник, почти в середине трудовой недели, когда делать было совершенно нечего, потому что они со Стасом только что благополучно отчитались перед генерал-майором Орловым, а новых преступлений по их душу пока что не нашлось, Гуров откровенно скучал под мерный шелест бумажных документов. Чая за день было выпито немало, новостная лента, просматриваемая во время перерыва, пестрела всякой ерундой, и даже курить не хотелось.

— Ужас, — поднял Гуров взгляд на Стаса. — И как только наша канцелярия живет во всем этом?

— Первый раз, что ли? — отозвался Стас.

— Да вот уже лет двадцать не могу привыкнуть к этой макулатуре.

— Спроси у Верочки, — посоветовал ему Стас. — Она тебе расскажет в подроб-

ностях все секреты канцелярского закулисья.

Секретарь Верочка который год обитала в предбаннике, откуда можно было попасть в кабинет к генерал-майору Орлову, давно уже являлась его неофициальным адъютантом, а еще негласным членом команды своего шефа, в которую, кроме нее, входили Крячко и Гуров. Именно Верочка «подносила патроны», когда сыщикам кровь из носа требовалось что-то важное и моментально: то им нужно было узнать о кадровой движухе в родной прокуратуре, то пробить индекс по месту жительства подозреваемого, то без запроса проникнуть в архив, чтобы поднять пыль с поверхностей толстых картонных папок, скрывающих под своими бежевыми обложками очень много удивительного компромата. Верочка всегда имела под рукой что-то, что приходилось кстати, будь то быстрый перекус, обезболивающее или зарядка для мобильного. Она поддерживала размер своих запасов ровно в том количестве, чтобы хватило на трех взрослых мужиков, включая ее начальника. Кофе, который она готовила в старенькой ко-

феварке, подаренной ей Орловым на день рождения лет шесть назад, всегда был отменным, в меру обжигающим и имел идеальную абсолютную для всех крепость, за что Гуров уважал Верочку еще больше. Ко всему она умела набирать на клавиатуре текст с пулеметной скоростью и никогда не теряла документы, даже те, о которых ей было велено забыть и уничтожить за ненадобностью. Она хранила в памяти столько гигов информации, сколько Гуров не смог бы запомнить, даже если бы сильно постарался, но ведь этого от него и не требовалось, если рядом была Верочка.

— Мне кажется, Вера нашла свое место в этой жизни, — возразил Гуров. — Не находишь? Секретарями не становятся — ими рождаются.

— Не наоборот?

— Точно нет.

Стас поднял голову и осоловело посмотрел на Гурова. Перед ним на столе лежала растерзанная папка, заваленная протоколами допросов.

— Это тебе до утра сидеть, — поморщился Гуров.

— У меня все под контролем.

— А был бы труп, то не сидели бы здесь, — кивнул Гуров на гору бумажек.

— Накаркаешь, — предупредил Стас.

— Дай-то бог, — мечтательно произнес Гуров. — Мне еще и сегодня вечером мучение предстоит. Умерла Машина наставница. Старейшая актриса театра с кучей званий, при жизни очень красивая женщина. Прощание будет проходить в театре, где она служила. Я, как ты догадываешься, тоже должен засветиться.

— Вечером? — удивился Стас. — Так уже вечер. В это время суток уже после поминок под столом валяются. Почему так поздно?

— Это не поминки, а вечер памяти, — пояснил Гуров. — Банкет и фуршет, прямо на сцене, как пожелала покойная.

— А она точно этого хотела?

— Теперь не спросишь.

— Поминки в зрительном зале? Впервые о таком слышу, — усмехнулся Стас.

— Потом опишу ощущения.

Гуров взглянул на часы и прикинул, что даже если бы и хотел помочь Стасу закончить дела, то все равно не успел бы. До окончания рабочего дня оставалось двад-

цать минут, а до начала мероприятия в театре нужно было успеть заскочить домой, забрать жену и галопом нестись в театр.

— Закончил, — объявил Стас и вывалился из-за стола. — Люблю свою работу, но после таких дней я чувствую себя как отбивная.

— О том я и говорю, — Гуров закрыл папку и отодвинул ее на край стола.

— А как звали ту актрису? — спросил Стас.

— Екатерина Верховцева. Не пытайся вспомнить, поскольку она чаще блистала на театральной сцене, чем на экране. Но зато дружила с актрисой Целиковской и в одном интервью упоминала о своем тайном романе с маршалом Жуковым.

— Об этих слышал, — согласно кивнул Стас. — Но звучит так, словно ты сплетни собираешь.

— И не говори.

Может быть, Екатерина Верховцева действительно имела связи, о которых Гуров говорил Стасу, но сам он предпочитал иметь на руках твердые доказательства, а таковых у него не было. Все, что Маша

успела рассказать ему о наставнице, могло быть кем-то выдуманно, после чего разлетелось по закулисыю и со временем обрело статус самой настоящей правды. Но наличие большого количества людей уже в вестибюле заставило Гурова удостовериться в том, что покойницу уважали многие из медийных личностей и даже те, кто не имел отношения к искусству. У главного входа в здание театра то и дело останавливались дорогие авто, чтобы выпустить из своих кожаных салонов тех, кто пожелал помянуть усопшую. Автомобили двигались непрерывным потоком, и Гуров сначала попытался рассмотреть новые лица, но после бросил эту бесполезную затею, поскольку мало кого помнил по именам.

Они с Машей оставили свои пальто в раздевалке, и гардеробщик дядя Коля, узнав Гурова, даже пожал ему руку. Не так-то часто Маша приводила в театр мужа, но дядя Коля, как положено, запоминал каждого и причину, по которой тот появился.

— Давно не виделись, — улыбнулся он, протягивая Гурову номерок. — Не помните меня, наверное.

— Отчего же не помню? Очень даже помню, — ответил Гуров. — На премьерe в прошлом месяце, а до того пару раз просил вас вызвать по срочному делу супругу с репетиции. В последний раз вы были простужены и пили чай с коньяком из серой керамической кружки.

— Опаньки! Действительно помнит! — радостно воскликнул дядя Коля. — Только коньяк я тогда не пил. Или пил? Не помню.

Гуров поймал хитрый взгляд гардеробщика и рассмеялся.

— Ну хорошо. Может, с коньяком я ошибся.

— Ну и память! — не унимался дядя Коля. — У вас на Петровке все такие?

Гуров что-то не помнил, чтобы говорил дяде Коле о своей работе. Как-то не сложилось. Поэтому он вопросительно посмотрел на Машу.

— А? — очнулась та. — Да, Лева, это я рассказала о том, что ты у меня работаешь в полиции. Все равно все уже знают.

— Ну тогда все в порядке. А то я уж подумал, что покати́лась дурная слава...

Со стороны входных дверей послышались громкие голоса. Гуров машинально обернулся, даже не представляя того, что увидит. Между тем приглашенные стали неожиданно резво расходиться в разные стороны, открывая неприглядную картину: один мужик преградил дорогу другому, державшему в руках букет белых роз, и попытался выпихнуть его на улицу, а второй, напротив, рвался в вестибюль всем телом. При этом он старался не уронить цветы, которые ему очень мешали. Он был одет в черный костюм-тройку, выглядел немного старше и тяжелее своего противника, но дело было не в его хорошей спортивной форме, а, наоборот, в ее отсутствии. Лет ему было примерно пятьдесят, и как бы он ни старался занять более выгодную позицию в потасовке, у него ничего не получалось. Достоинство отвечать на направленные против него действия ему мешали цветы, а еще он старался сохранить невозмутимый внешний вид, что являлось большой ошибкой с его стороны. В общем, выглядел он довольно комично. Другому же участнику то ли драки, то ли прелюдии к ней было на вид лет тридцать

с небольшим, он и вел себя гораздо категоричнее. Ему удалось развернуть старшего лицом к выходу, а потом помочь ему покинуть здание, с силой толкнув в сторону дверей. При этом букет роз выпал из рук проигравшего, и по нему тотчас прошла пара дорогих кожаных ботинок победителя.

На несколько секунд толпа затихла, наблюдая за неожиданным представлением, но едва стало понятно, что концерт окончен, все снова оживились и вернулись к своим делам. Будто бы и не было ничего. Только несколько человек все еще наблюдали за тем, как исчезает в уличной темноте черная фигура. Гуров подумал, что за все время оба драчуна не произнесли ни слова, что показалось ему довольно странным.

Маша осмотрелась.

— Ну и куда он делся? Это же Андрюха Красников, а вот второго не могу узнать, впервые вижу, — с тревогой в голосе произнесла она, всматриваясь через окна на улицу.

— Кто из них Красников? — спросил Гуров.

— Красников вытолкнул другого, с розами.

— Значит, второго ты не знаешь?

— Нет. Пойдем отсюда, Лева. Если они устроили разборки в такой важный день, то им же хуже. А где охранники? Когда нужны, то никогда рядом нет. Дядя Коль, где охрана-то?

— Да я знать не знаю, — вытянул шею гардеробщик.

Гуров тоже не заметил поблизости никаких охранников. Маша быстрым шагом направилась в сторону лестницы, и он тут же поспешил следом.

— А номерок-то?.. — спохватился дядя Коля, но его уже никто не слышал. Тогда гардеробщик положил его под стол, к другим, про которые тоже кто-то не вспомнил вовремя.

Зрительный зал вопреки ожиданиям был не так уж и заполнен народом. Гуров удивленно обвел взглядом пространство, даже в сторону балкона посмотрел.

— А где все?

— Избранные наверняка собираются в кабинете художника, — пояснила Ма-

ша. — Наши спонсоры, которые приехали только за тем, чтобы посветить фейсами и заодно протолкнуть кого-то из своих наследников либо в театральные вузы или сразу на сцену. Ты не удивляйся, Лева, сейчас искусство хорошо продается.

— Я думал, что у вас все более-менее честно, — признался Гуров.

— Временами так и есть. Кстати, Екатерина Александровна, которую мы будем вспоминать и поминать, ненавидела все это. Взятки, nepoтизм и прочее. Мне она никогда не говорила, что я здесь не к месту, а ведь мы познакомились еще в те времена, когда я только-только пришла в труппу. Ее мнение много для меня значило.

— Ты действительно талантлива, — подтвердил Гуров и обнял Машу за плечи. — И все-таки не понимаю. Столько людей было у входа... Насколько у вашего худрука большой кабинет?

— Многие вообще заехали на пару минут да за компанию, пожать руку начальству, а не вспомнить покойницу добрым словом. Смотри-ка, розы...

Белого, желтоватого и розоватого оттенков цветы были повсюду. Они лежали вдоль края сцены, от стены до стены, они стояли в высоких золотых вазах, выстроенных вдоль центрального прохода между рядами. И вазы, и черные атласные ленты, обвивающие их длинные вытянутые изгибы, выглядели, скорее, торжественно, нежели печально. Верхний свет в зале был приглушен, зато сцена сияла со всех сторон. Любой, кто сюда приходил, сразу же обращал внимание на стоявший в ее центре длинный стол, заставленный бутылками и блюдами с закусками. Дальнюю часть сцены закрывал темно-серый занавес, напминавший проход в преисподнюю, если бы не портрет, закрепленный на самом верху. С него прямо в душу каждому смотрела интересная женщина лет шестидесяти с некогда идеальными чертами лица. Она, подобно Моне Лизе, с улыбкой смотрела на каждого входящего, из какого бы угла он ни появился.

Гуров следом за Машей двинулся к сцене. Кое-какие места в зале были уже заняты теми, кто прибыл раньше, и Маша здоровалась практически с каждым, раз-

давая кивки по обе стороны прохода. Гуров тоже изредка приветственно поднимал руку, поскольку в театре был не впервые и с некоторыми Машиными коллегами тоже уже был знаком.

— Иди одна, — остановил жену Гуров. — Я присяду куда-нибудь, на сцену подниматься не буду. Неудобно.

— Я понимаю. Возьму нам что-нибудь перекусить.

— Я ничего не хочу.

— А я буду. Послушай, Лева, — понизила голос Маша. — Ты тут из-за меня, мы оба это знаем. Но не будешь же ты сидеть с пустыми руками? Или будешь? Или уткнешься в телефон? На самом деле я пришла сюда именно для того, чтобы почтить память хорошего человека. Будь умничкой, возьми себя в руки и постарайся соотвечать. Ради меня.

— Да разве я отказываюсь? Я просто не хочу есть.

— Это после рабочего-то дня, когда ты дома сметаешь половину холодильника?

— Неправда.

Маша приподнялась на цыпочки, клюнула Гурова в щеку и заторопилась на

сцену. Там, возле стола, уже начали появляться ее коллеги, некоторые сразу же приступали к делу, наполняя тарелки и разливая спиртное по бокалам.

Гуров, помешкав, выбрал местечко, откуда его будет почти не видно. Пятый ряд, левая сторона, третье от главного прохода место. Остальные, кто расположился в зрительном зале, сидели на почтительном расстоянии. Гуров счел выбранную локацию очень удобной.

Он сел в кресло, машинально вынул из кармана телефон, пробежался по новостям. Не то чтобы он не мог жить без интернета, но в ожидании Маши нужно было убить время. Не найдя ничего значительного и убрав телефон, Гуров принялся рассматривать портрет на занавесе. Как там ее звали? Екатерина Александровна? Красивой была даже в преклонном возрасте. Машка у него тоже красивая. И талантливая, и это уже общепризнанный факт.

Маша живо общалась со своими знакомыми, изредка поглядывая в сторону мужа. Гуров пытался получше рассмотреть тех, кто к ней подходил, но лица этих

людей были ему незнакомы. Возможно, и виделись когда-то после спектакля, если он заезжал за женой, или на съемках, куда она его приглашала, или на приемах, куда она его тащила чуть ли не силой. Никто из ее знакомых не стал Гурову приятелем, никто после не передавал ему приветы, и спустя время Маше приходилось заново что-то объяснять о каждом, если вдруг о нем заходила речь.

— Ты же с тем режиссером о чем-то долго болтал, — напоминала она. — Неужели забыл?

— Да времени прошло уж сколько?

— Месяц. Или полтора. Не больше.

— Маш, я лица запоминаю, только когда работаю. А там мы с тобой отдыхали. Я просто старался казаться вежливым.

Но человека, который в данный момент подошел к Маше и приобнял ее за талию, Гуров определенно уже видел раньше. Причем недавно. Им был тот самый Красников, один из двух мужиков, устроивших в вестибюле театра бои без правил. И, кажется, с Машей их связывали близкие отношения. Красников наклонился к ее лицу и что-то прошептал на ухо. Она

замерла, слушая его, а потом отрицательно качнула головой и указала на Гурова. Красников посмотрел в его сторону и тут же отвернулся. Гуров заметил, насколько стремительно он отклонился от Маши, но не ушел, а взял тарелку и стал накладывать на нее что-то из еды, но как-то суетливо, словно пытался отвлечь внимание от себя, недавно прикоснувшегося к чужой жене.

Маша не стала задерживаться. Вернулась к мужу с двумя пустыми пластиковыми стаканчиками и бутербродами с соленой рыбой.

— Ты выбрал хорошее место.

— Конечно, у меня же жена актриса. А стаканы для чего?

— Для коньяка.

— А коньяк где?

— Его сейчас принесут. Тот, на которого ты смотрел минуту назад. Очень мне твой взгляд не понравился, Лева, поэтому решила, что вам надо познакомиться.

— Это тот самый, который тебя только что тискал на моих глазах? На кой он мне?

— Будь добр, Гуров, оставайся человеком, — Маша перегнулась через спинку

кресла и коснулась губами щеки мужа. — Он был приятелем Екатерины Александровны, а она далеко не многим разрешала заходить в свою гримерку. Андрей из тех, кто тесно с ней общался до самого последнего момента. Он и похороны в одиночку организовал, и деньги собирал, и договаривался о месте на кладбище. И он меня не тискал. Мы знакомы сто лет. Он нормальный парень.

— А со мной он драться не будет? Не знаю, чего от него теперь ожидать.

— А ты не напоминай ему об этом. Захочет — сам расскажет. Я у него ни о чем спрашивать не стала.

Гуров давно уже привык к тому, что если он оказывается рядом с Машей в ее окружении, то к ним непременно присоединится кто-то третий. Далеко не всегда эти люди оказывались приятными хотя бы в чем-то, но из уважения к жене он их терпел. Но на этот раз ему даже стало интересно познакомиться с человеком, который успел устроить потасовку на поминках. Андрей, значит. Ясно. Коньяк принесет, значит. Ну пусть принесет, Гуров не против.

До того как Красников спустился со сцены в зал, подошел к Гурову и пожал ему руку, Лев Иванович успел заметить, что тот после инцидента чувствует себя довольно-таки неплохо. Словно и не махал кулаками полчаса назад. Лицо чистое, никаких ссадин, а выражение на нем самое что ни на есть дружелюбное, но с тонким налетом вины. Легкая кожаная курточка тоже в порядке, нигде не порвана, не испачкана. Но на задиру Красников все же немного смахивал, и всему виной была его совершенно мальчишечья челка, достававшая чуть ли не до кончика носа, которую он то и дело отбрасывал с лица кивком. Челка после такого движения улетала в сторону его правого уха, но надолго там не задерживалась и снова сползала на лицо.

— Лев, — протянул руку Гуров.

— Андрей. Режиссер на свободном выгуле.

— И такие бывают? — делано удивился Гуров.

— Не привязан к одному месту, — объяснил Красников. — Работаю по контракту из любой точки мира. Сегодня я

в Москве, завтра в Берлине, а послезавтра в Лондоне.

— Не увозите Марию Строеву в Берлин, — попросил Гуров. — Она немножко замужем все же.

Красников натянуто улыбнулся, но промолчал.

— А ничего, что ты коньяк с общего стола стащил? — шепотом спросила у него Маша. — Так можно?

— А почему ты шепчешь? Сегодня все можно, — ответил Красников. — А мне — тем более. Полный зал сочувствующих и у каждого в руке стакан, а ты мне выговариваешь?

— Не заводись.

Режиссер был на взводе, но старался справиться с собой. Гуров благоразумно сделал вид, что не слышал их с Машей легкую перепалку.

Они с Машей сели на один ряд впереди и устроились вполоборота к Гурову. Красников, не мешкая, деловито разлил коньяк по стаканчикам. Маша заботливо держала на весу тарелку с бутербродами. Выпили, традиционно не чокаясь.

— А я ее в последний год Катей называла, — вспомнила Маша, пристально глядя на огромный портрет Верховцевой. — Она сама меня об этом попросила. Было неудобно, я только два раза так к ней обратилась, а потом снова по имени и отчеству...

— А меня она Андрюшей звала, — добавил Красников. — Еще в институте начала, при всех, будто мы давно знакомы. Я боялся, что это так ко мне и приклеится, что запишут в ряды блатных, но пронесло. А вы, наверное, с ней не были знакомы? — Красников обернулся к Гурову.

— Нет, я только по рассказам жены, — ответил Гуров. — Да и то нечастым.

— Не довелось, да, — подтвердила Маша и вдруг пнула кулаком Красникова в плечо. — Что это ты там устроил на входе?

— А ты видела? Видела, да?! — мгновенно возбудился Красников.

— Все видели, — спокойно ответила Маша. — Кто это был и почему ты его выгонял?

Красников покосился в сторону Гурова, будто раздумывая, достоин ли тот доверия. Маша заметила этот взгляд.

— Здесь все свои, Красников, — заметила она. — Верь мне.

— Ладно, как бы там ни было, но я считаю, что этот мудила виноват в смерти Верховцевой, — понизил голос Красников. — И после этого он приперся сюда, чтобы выразить свои соболезнования, прикинь? Если бы у меня не было других дел, то, поверьте, мало бы ему не показалось. Хорошо, что ноги унес, падла.

— Но он хотя бы принес цветы, — заметил Гуров. — Не то чтобы я упрекал вас в том, что вы пришли с пустыми руками, но ваш противник, мне показалось, не имел в мыслях ничего дурного. И насчет цветов — вся сцена завалена именно розами. Ее любимые? Или просто традиция такая — провожать в последний путь актера, положив на сцену именно розы? А если, например, я принесу сирень или гладиолусы?

— По-моему, вы не понимаете... — начал Красников, но Маша его опередила.

— Мы вот с тобой тоже не принесли, — сказала она, пристально глядя на Гурова. — Но виноватой себя не считаю. Знаю я, куда потом эти цветы денут. Растащат по примеркам и по домам.

— Именно поэтому и я не стал их покупать, — подхватил Красников. — А тот тип свои цветы пусть себе засунет...

— А почему вы решили, что тот мужчина виноват в смерти Екатерины Александровны? — перебил Гуров и отпил коньяк. — Заявление более чем серьезное. Доказать сможете?

Красников привстал, поднатужился, стянул куртку и бросил ее на спинку соседнего кресла. После выпитого ему явно стало жарко, а тема разговора добавляла определенный градус к возбуждению, и это не могло ускользнуть от внимания Гурова.

— Его имя Леонид Семенович Чернухин. Он адвокат, и довольно известный, — сказал Красников.

— А кто он? Откуда взялся? Что связывало его с Екатериной Александровной? — заинтересовалась Маша и взглянула на Гурова. — Лева, может, ты слышал его имя?

— Нет, но, возможно, вспомню, если наш знакомый продолжит, — Гуров многозначительно посмотрел на Красникова.

— В последнее время я близко общался с Верховцевой, поэтому невольно оказался в числе тех, кто был в курсе ее проблем, — пояснил он. — Если честно, она не со многими делилась, а уж помогали ей и вовсе единицы.

— И вы были в их числе?

— Разумеется.

Назревал конфликт, которого Гуров совсем не желал. Однако высокопарность так и сквозила в словах Красникова, и Гуров почему-то не смог себе отказать в удовольствии поддеть его. Поняв, что перебарщивает, он умолк, тем более что Маша успела бросить на него предупредительный взгляд.

— Последние несколько месяцев мы редко общались, все больше по телефону, — не сводя взгляда с мужа, произнесла она. — Но съемки же, гастроли. Она все понимала. Сначала во Франции мы были две недели, потом понеслись с премьерой по городам и весям: Владивосток, Казань, Нижний Новгород, Питер. Ты помнишь,

Лева, что меня почти два месяца в светлое время суток дома не бывало?

— Плюс три недели, когда ты моталась по бескрайним просторам разных стран, — быстро вставил Гуров. — И это только за последние полгода.

— Ты же все понимаешь! — быстро заморгала Маша. — Все эти приемы, интервью, репетиции. Но я сама ей звонила, верите, мужики? Она всегда была рада меня слышать и просила беречь себя. «Машенька, вас там хорошо кормят? В чемодане всегда должен быть вермишелевый суп в пакетике, чтобы, если не получится поесть нормально, можно было приготовить в номере гостиницы горяченькое!» Ей даже и в голову не приходило, что можно просто сходить в ресторан, ей казалось, что всегда необходимо иметь под рукой какой-то запас. Или вот еще: «Машуль, а в Болгарию случайно не поедешь? Расскажу тебе про пару столичных магазинчиков, где я крем брала. Привезешь мне баночку?» Не привезла я ей ничего. И уже не привезу.

Красников дернулся всем телом в сторону Маши.

— Мать, ну ты чего...

Он протянул руку к Машиному лицу и провел рукой по ее волосам, но только один раз, и сразу же убрал руку. Маша тут же полезла в сумку за бумажной салфеткой, а Красникову дала подержать свой пустой стаканчик. Другой бы на месте Гурова поперхнулся от увиденного и нарисовал в мозге сто постельных сцен, но он, напротив, будто прозрел и увидел в жесте нового знакомого нечто другое. Жест этот был искренним, дружеским, успокаивающим, нисколько не наигранным и даже неловким. Сам же Красников таким образом выражал желание защитить и готовность подставить плечо. Ничего более тонкого и глубокомысленного его движение не скрывало — любовники так друг к другу не прикасаются, они бы, наоборот, постарались при Гурове держаться на расстоянии и демонстративно расселись бы по разным углам. И Гуров в глубине души выдохнул, потому что автоматически уже успел записать Красникова в соперники. Вообще-то Машу он почти ни к кому из ее коллег уже не ревновал, так как повода она не давала и зарекомендовала себя вер-

ной женой и отличным другом, поэтому сегодня будто бы снова вернулся в свою глупую юность.

— Верховцева вспоминала о тебе, когда мы встречались. Называла тебя крохотулечкой с большими глазами, — решил насыпать соль на рану Красников. — Да уж... Живешь себе, а потом...

На Машиных глазах выступили слезы.

— Так, хватит себя казнить, — приказал Маше Красников. — Не ты ее мучила, а другой человек.

— Чернухин, полагаю, — подсказал ему Гуров. — Интересно было бы послушать.

— Именно так, — подтвердил Красников. — Вы спрашивали, могу ли я доказать его причастность к ее смерти? Могу.

— Каким же образом он ее довел до могилы?

— Содрал все деньги с ее счетов, дал надежду, а потом еще и пытался к ней подкатить. Но тут уж у него ничего не получилось.

Маша застыла, прижав салфетку к одному глазу.

■ — Ты шутишь?

Красников осмотрелся с видом великого заговорщика.

— Подставляйте свои стаканы. Я тут единственный, кто знает правду. Все, что вы услышите впоследствии, будет являться грязной сплетней.

Как ни странно, но Гуров даже почувствовал интерес к услышанному.

Коньяк тотчас был разлит снова. Маша наконец справилась со своим моральным самочувствием, и Красников, в очередной раз стряхнув с лица конскую челку, снова обвел тяжелым взглядом зал.

— Людей пришло мно-о-го, — заметил он. — Только далеко не все вернулись сюда, чтобы помянуть Верховцеву. А ведь многим из них она помогла встать на ноги. Устраивала их детей в вузы, занималась с ними дополнительно. Скользкие твари. Ладно, так можно до бесконечности... Теперь про Чернухина.

— Он адвокат, — напомнил Гуров.

— Известный, — уточнил Красников. — Лет десять назад даже вел свою передачу на телевидении, но недолго, и ее быстро прикрыли. Вроде бы не имела высоких рейтингов. Брался за самые

сложные дела, выстраивал такие мощнейшие линии защиты, что после каждой его победы все стороны обвинения коллективно уходили в запой. О нем даже статью в каком-то журнале написали, где его назвали «феноменальной личностью».

— Ты про Екатерину Александровну не забудь, — подсказала Маша.

— Так я к этому и веду. С Верховцевой он познакомился не просто так, а по серьезной причине: ее племянник год назад попался на сбыте наркоты. Виталик его имя. Пацану тогда было двадцать три. Из родни осталась только одна тетка, бездетная вдова — наша Екатерина Александровна Верховцева. Она мне рассказывала, что он был единственным и поздним ребенком ее родной старшей сестры, что появился на свет исключительно благодаря сильному желанию женщины в возрасте пятидесяти лет стать матерью. Забеременела та мадам неизвестно от кого и была счастлива в своем безумии. Разумеется, она меньше всего думала о том, что просто не успеет насладиться материнством в полной мере. Так оно и вы-

шло. Верховцева тащила на себе и сестру, и ее сына, а когда сестры не стало, то заменила Виталику и мать, и отца, и спонсора. Он тогда только-только школу окончил. Верховцева помогала ему по мере сил и возможностей. Говорила, какой он хороший, что тоже ей вроде родного сына. Одна же кровь. Гордилась, когда поступил в институт, и переживала, когда бросил учебу и устроился официантом в некий крутой ресторан. Кажется, грузинский. Вообще-то Виталик метил в сторону кухни, вроде бы хорошо готовил и хотел пойти учеником к шеф-повару, но в ресторане об этом и слышать не хотели, потому что талант все-таки нужно подкреплять определенными знаниями, а Виталик учиться на кулинара не хотел. Потому просто подавал клиентам еду, но надежды просочиться на кухню не терял. И вдруг — опаньки! — полиция скручивает его на станции метро «Баррикадная» в тот момент, когда он передает какой-то девушке подозрительный сверток. Оказалось, что в свертке том почти килограмм метадона. А Виталик и ведать не ведал...

— Ну конечно, он не знал, что и кому отдает, — не выдержал Гуров. — Бедный Виталик.

— Лева! — взмолилась Маша. — Тебе-то откуда знать?

— Куда мне... — вздохнул Гуров. — Ладно, послушаем дальше.

Красников даже не взглянул на Гурова, но этого и не требовалось, чтобы понять, что ему тоже не понравилось замечание, брошенное вслед его рассказу.

— Верховцева, разумеется, не хотела, чтобы парень попал за решетку. Тем более что там вообще какая-то темная история была. Он наркотиками не увлекался, это подтвердили его знакомые и экспертиза. Но, как показывает практика, одно другому не мешает. Взяли его не за то, что он употреблял, а за сбыт.

— От восьми до пятнадцати лет, если в свертке действительно обнаружилось кило метадона, — сказал Гуров. — Сколько ему дали?

— Восемь лет и дали, — машинально ответил Красников. — А вы что же, имеете какое-то отношение к юриспруденции?

— Имею. Непосредственное. Уголовный кодекс знаю наизусть и с удовольствием цитирую его при каждом удобном случае. А если серьезно, то работаю следователем. Зря сказал?

Красников усмехнулся, потом зачем-то заглянул в свой стаканчик.

— Вроде бы и не обидели, а рассказывать расхотелось. Поймите правильно, но я родился в восьмидесятых годах прошлого века, а тогда вся страна перекраивалась, мы бунтовали по полной. Я был хулиганом и неплохо знаю вашу братию. Хороших людей там мало.

— Прекратите оба, — попросила Маша.

— Так вот, о племяннике... — продолжил Красников. — Я его лично не знал, но Верховцева была честна со мной. Я не придумываю, мне не показалось. Она могла поругать его, видела его недостатки, но тут... Нет, она так и не поверила в то, что он связался с наркотиками. И я не поверил. Что-то здесь нечисто.

— Жаль парня, — согласился Гуров. — Если чисто по-человечески, то жаль. И его, и Екатерину Александровну. Но

насчет количества хороших людей в полиции вы, наверное, неправы. Просто их не видно и не слышно, но они круглосуточно выполняют свою работу и делают это прекрасно. Я старше вас, но если мы живем в одной эпохе, то вынужден согласиться: время тогда было сложное, в наших рядах тоже творилось черт знает что. Поэтому давайте остановимся на том, что я вас понимаю. Пойдет? Повторюсь: парня жаль.

Наверное, меньше всего Красников ожидал услышать слова полицейского о том, что ему жаль преступника, но Гуров совсем не кривил душой, которая за годы его непростой работы, в том числе и в психологическом плане, все еще отказывалась каменеть. Как он ни старался, но так и не смог равнодушно смотреть в глаза родным и близким, которые действительно не знали о том, что происходит. А таких незнающих встретилось Гурову ой как немало. Была среди них и беременная жена серийного убийцы, упавшая перед Гуровым на колени, и вежливый совершенно седой отец избалованной дочери-студентки, которая по пьяни придушила подругу, и простодушный парень с разме-